

Клио и Мельпомена в товариществе с ограниченной ответственностью

Новая
газета,
- 1998,
- 9-15 февр.,
- с. 17

В Пскове целый зал премьер после нескольких лет вынужденной паузы, причем, что редкость в наши дни, с аншлагом идущих. Среди них и пьесы драматургов «новой волны» — «Клино», «Продается японское пальто из парашютного шелка», и образцы советской сценической классики. Но поистине хитами нынешнего сезона стали три пьесы из жизни августейших особ.

Это «За зеркалом», работа достаточно молодого, но уже известного драматурга Е. Гремной — своего рода альковная история Екатерины Великой и ее юного фаворита; «Павел I» Д. Мережковского (в сценической версии А. Сеплярского) и шекспировский «Король Лир». Куда больше? — сиди себе в уютном зале «Народного Дома» (так звался в начале века при своем рождении псковский театр драмы, впоследствии — имени Пушкина, а с прошлого года — академический), наслаждайся сценами старинной жизни, страстями коронованных особ, дворцовыми интригами, феериями и мистериями, столь далекими от все более личающей действительности... Так, надо сказать, многие мои земляки (и особенно зрительницы бальзаковского возраста) и смотрят на сцену — и, наверное, правильно делают, тем более что сами действия, на ней творящиеся, пынут смесью мелодрамы, «роковых» переживаний и «эротического эквilibра», мастером коего является худрук театра и режиссер большинства новых постановок В. Радун.

Та же «За зеркалом» создавалась «под Галину Вишневскую», и на столичной сцене в облике ее героини жестко проступают грозные грани природы постаревшей «леди Макбет Мценского уезда». В псковском же зале страдания влюбленной и разрывающейся меж страстью и долгом императрицы как-то очень по-домашнему воспринимаются. И слышатся вздохи зрительниц — «Ах, беденькая!» — словно над перипетиями личной жизни соседки по двору... И в пьесе классика Серебряного века ее злосчастный сын произносит свой пронзительно-безумный монолог о невыносимом для него бремени власти, в буквальном смысле кувыркаясь в объятиях фаворитки. А в это время заговорщики уже идут к Михайловскому замку..

И вот здесь-то псковскому зрителю поневоле приходится вспоминать совсем другой период нашей истории. Если не в зале — то «за вешалкой», с коей, как известно, начинается театр. Именно в этом городе и на этой древней северо-западной земле сие присловье органично перефразируется самой историей в иное: театр политический завершается виселицей. Ибо именно в нашей губернии на узловой станции Дно (как символична историческая топонимика!) в феврале 1917 года поезд, в котором главным пассажиром был правнук «бедного Павла», последний русский император повернул с пути на Питер и двинулся к городу на берегах рек Великой и Псковы. Там-то через несколько дней

Юрий Новохижин
в роли короля Лира

на вокзале и произошла кульминация драмы под названием «Отречение Николая II»... В честь того события на стене вокзала в марте 1997 года (час в час и даже минута в минуту) была открыта мемориальная доска. И рецензенты в театральных рубриках местных газет, давая оценки даже премьере «Лира», не могли уйти от аналогий с трагедией, начавшейся восемь десятков лет назад на псковской земле, — на подмостках Истории.

Шекспировский монарх в исполнении народного артиста России Юрия Новохижина (известного и кинозрителям по нескольким боевикам 90-х) не то чтобы осовременен, но все-таки сущность «крестного отца» новорусского разлива в нем явственно проступает. Причем и плотоядные гримасы, и «мафиозные» атрибуты поведения ничуть не противоречат, как ни странно, подлинной царственности его облика — тут псковский премьер действительно ухитрился создать, вылешить такой «запредельный» образ, какой вряд ли виделся английскому драматургу времен Елизаветы.

...Но ведь и Николаю Романову, когда он смотрел из окна своего бронированного вагона на пустынный псковский перрон, где не было никакого почетного караула, — и ему даже в самых страшных снах о грядущем не могло привидеться, что через 80 лет потомки его подданных, разделяясь на «партии», будут базарно скандалить над его и его семьи останками... Вот драматургия, до которой Шекспир даже в содружестве с Хичкоком и Виктюком не додумался бы.

...Что было в мыслях последнего русского царя, глядевшего из окна своего вагона сквозь слякотный февральский день на город Святой Ольги, на красно-белое (опять символика!) здание вокзала? Быть может, ему, истому театралу, вспоминалась судьба Лира, а может, думал он и о трагической доле своего предка, незадачливого реформатора Павла, далеко не единственного среди убиенных российских монархов? Бремя власти... Театр... Клио и Мельпомена в одном «товариществе с ограниченной ответственностью»... Химеры, длящиеся 80 лет...

● Станислав ЗОЛОТЦЕВ
Псков